

Цю Чэн взял пучок диких овощей через приоткрытую дверь.

— Ну ладно, тогда я пойду, а вы занимайтесь своими делами. — Увидев, что Цю Чэн взял зелень и больше ничего не говорит, женщина доброжелательно улыбнулась и завершила разговор.

Заметив, что она уходит, Цю Чэн тут же захлопнул входную дверь. Хотя эта женщина и пришла выразить ему благодарность, в её поступке наверняка таилась доля прощупывания почвы.

С другой стороны, отойдя от двери Цю Чэна, женщина тоже мысленно с облегчением выдохнула. Вернувшись сегодня снаружи, она услышала от сына, что дядя с четырнадцатого этажа помог ему донести воду. Испытывая благодарность, в глубине души она всё же чувствовала некоторую настороженность.

Муж этой женщины каждый день ходил на заработки в город, но добытого им пайка не хватало на прокорм всей их семьи из трёх человек. Раньше она тоже трудилась в городе, однако недавно та работа закончилась, а новую подыскать сразу не удавалось, поэтому ей пришлось вместе с несколькими женщинами и стариками из их жилого комплекса ходить за город копать съедобные дикорастущие травы.

Поля и холмы в пригородной зоне Города Синьнань давно уже были вдоль и поперёк исхожены людьми, так что им приходилось отправляться гораздо дальше. Сегодня они ходили в посёлок, до которого пешком от Города Синьнань было чуть больше двух часов ходу. Когда разразился вирус Икс, в том посёлке погибло много людей, а позже, после расформирования временной базы, многие прежние жители решили остаться в Городе Синьнань и попросили городские власти заново распределить для них жильё. Из-за этого посёлок теперь стоял почти пустым.

Поскольку он был разрушен до основания, а постоянных жильцов почти не осталось, команды для проведения восстановительных работ после бедствия Город Синьнань туда пока не направлял. Воды и электричества там не было, что крайне усложняло жизнь, поэтому, когда людей распределяли по сельской местности для занятия земледелием, сюда никого отправлять не стали.

Вокруг посёлка лежали обширные поля. За прошедшие годы они забростели, и теперь их густо покрыли сорняки, среди которых росло немало съедобной зелени, так что в последнее время сюда за дикоросами зачастило немало людей.

Из-за дальней дороги, когда она раньше брала с собой сына, паренька жутко умотал этот поход, и больше она его с собой не брала, по-прежнему запирая дома одного на замок — точно так же они поступали и раньше, когда оба супруга работали в городе.

Но в этот раз, поскольку дома совсем не осталось воды, её сын вызвался сам и неоднократно заверял, что будет очень осторожен: наберёт воды и сразу вернётся домой, ни в коем случае не задерживаясь на улице. Именно поэтому они не стали запирать входную дверь наглухо.

Вернувшись домой и выслушав рассказ сына о сегодняшнем происшествии, она, волоча ноги от усталости, с пучком горькой травы в руках поднялась на четырнадцатый этаж. Она пришла принести в подарок пучок горькой травы во-первых, чтобы выразить благодарность, во-вторых, чтобы получше присмотреться к Цю Чэну и понять, что он за человек, и в-третьих, это на самом деле было своеобразное предупреждение. Она хотела дать понять Цю Чэну, что они, родители, уже знают о его общении с их сыном, и если Цю Чэн окажется дурным человеком и вздумает причинить зло её мальчику, ему придется хорошенько взвесить все за и против.

Вообще-то, для этого дела гораздо лучше подошел бы её муж, но она знала, что Цю Чэн и остальные каждый вечер уезжают на трехколесном велосипеде, а когда её муж возвращается с работы, дома их уже нет.

В нынешние времена всё устроено именно так: люди преисполнены взаимной подозрительности, потому что то и дело доносятся дурные вести. Торгуя на ночном рынке, Цю Чэн то и дело слышал, что в реке Синьнань снова выловили труп, или что кто-то днем ушел на работу, а вернувшись вечером, обнаружил, что старика в доме убили, а ребенок бесследно исчез. Подобные происшествия сеяли повсеместный страх и тревогу.

Городские власти уже усилили меры по поддержанию порядка, и даже в этом окраинном жилом массиве, где жили Цю Чэн и остальные, каждый день можно было видеть патрулирующих полицейских. Стоило только разоблачить какого-нибудь преступника, как наказание следовало суровое. Но даже несмотря на это, люди один за другим продолжали ступать на кривую дорожку: не желая терпеть тяготы жизни, они замыслили зло против других.

Закончив собирать гусениц на террасе, Цю Чэн посмотрел на часы — времени было еще много. Он взял с собой мешок и вышел наружу, где нарезал целый мешок свежей травы. Возвращаясь обратно, Цю Чэн заметил, как со второго этажа выглядывает какая-то старуха и с любопытством, в упор разглядывает мешок у него на плече.

Столкнувшись с любопытством и проницательностью соседей, Цю Чэн тоже почувствовал немалую головную боль. Если они узнают, что он каждые несколько дней ходит косить траву, то наверняка догадаются, что на верхнем этаже кто-то держит скотину. Козы А Чана почти не шумели: те две взрослые козы целыми днями почти не издавали звуков, и лишь изредка маленькая козочка тихонько мекала. Жильцы снизу, если не проявляли особой наблюдательности, вряд ли могли что-то заметить, но стоило им проявить интерес — и утаить это дело станет непросто.

С тяжелым сердцем занимаясь кормлением коз в квартире 1501, Цю Чэн размышлял о том, что нужно поскорее выкупить этот этаж, а в будущем, если представится возможность, выращивать траву для коз самостоятельно. В этот момент Цю Чэн поднял глаза и как раз увидел солнечный свет, пробивавшийся с улицы в комнату, и в его голове внезапно родилась одна идея. Площадь террасы и балкона мала и её не хватает, возможно, он сможет вырастить в доме немного теневыносливой травы? А если солнечного света недостаточно, можно ведь использовать искусственное освещение.

Думая об этом, Цю Чэн перевёл взгляд на пустую оконную раму. Если установить там откидное наружное окно со стёклами из зеркал, то, когда оно открыто, солнечный свет будет падать на зеркала и отражаться внутрь помещения. Как правило, эти отражённые лучи должны попадать на потолок комнаты или на стену прямо напротив окна, и вряд ли они легко достигнут пола — тогда потребуется ещё одно-два отражения.

По сравнению с откидными наружными окнами, на рынке сейчас гораздо чаще встречаются верхнеподвесные окна, защищающие от пыли и дождя. Откидные окна в жилых домах

используются редко, тем более открывающиеся наружу, и Цю Чэн немного опасался, что такое окно привлечёт излишнее внимание, если его сделать.

Но если эту задумку удастся воплотить, он сможет не только выращивать траву в помещении, но, пожалуй, даже разводить картофель. Картофель — вещь теневыносливая и урожайная, и как только удастся наладить его крупномасштабное выращивание, скорость, с которой он станет скупать остальные квартиры на этом этаже, в дальнейшем значительно возрастет.

Подсчитав свои недавние доходы, Цю Чэн решительно сжал зубы и выкопал несколько корзинок картофеля. Поскольку тот ещё не полностью созрел, клубни оказались немного меньше предыдущей партии и выглядели более нежными.

Этим же вечером они нагрузили целый мешок картофеля и отправились на ночной рынок. Прибыв на место, Цю Чэн по обыкновению сначала занялся запеканием воробьёв, попросив А Чана приглядеть за огнём, и только после этого выставил остальной товар.

— Цю Чэн, ручной жернов готов, он у меня на точке. — Едва Цю Чэн вытащил мешок с картофелем из кузова, как к нему подошёл Ван Чэнлян.

— Я заберу его, когда буду сворачивать лавку. — Прошло уже столько дней, что Цю Чэн чуть было не забыл об этом деле.

— О, хорошо. Поскольку ты говорил, что не спешишь, мой брат делал его не торопясь. Времени прошло немало, но вещица получилась неплохая, — с некоторым смущением пояснил Ван Чэнлян. Его второй брат днём уходил на работу, а повозиться с жерновом у него получалось только по вечерам, когда появлялось свободное время. Хотя такая вещь, как каменная мельница, на словах кажется простой, чтобы она действительно легко крутилась и хорошо молола, в этом деле всё же есть свои тонкости.

— Ничего страшного, я и не тороплюсь. — Он действительно не спешил, иначе с чего бы ему забыть об этом? Цю Чэн протянул Ван Чэнлянцу несколько картофелин и с улыбкой произмолвил: — Бери на пробу свежую партию, а те три кукурузные лепёшки я отдам тебе вместе с жерновом, сейчас их нет.

— Не нужно, не нужно. — Отнекиваясь, Ван Чэнлян собрался уходить: — У меня на точке ещё дела, я пока вернусь, а ты не забудь потом зайти за жерновом.

Видя, что тот уходит, Цю Чэн бросил несколько картофелин обратно в мешок, выудил оттуда парочку среднего размера и кинул в печь к воробьям.

Часть картофеля Цю Чэн разложил на досках, лежащих поверх кузова, а остальное оставило лежать под ними. Вместе с картошкой там же находились помидоры, перец, зелёный лук и лук-батун, а кроме того, стояли электронные весы. Мешок с полевыми мышами Цю Чэн завязал верёвкой и повесил на руль тележки.

А Чан караулил печку на свободном пяточке позади прилавка. Две куриные яйца лежали у него в поясной сумке, пристёгнутой на животе; время от времени он расстёгивал молнию, слегка перебирал их пальцами и переворачивал. А Чан видел, как птицы на деревьях высидывают яйца, и всегда поступал именно так.

Зная, что на точке у Цю Чэна каждый вечер можно раздобыть несколько печёных воробьёв, постоянные клиенты, желавшие купить их в этот день, рассчитывали время и приходили заранее. Они заблаговременно рассчитывались за свои две кукурузные лепёшки, и когда воробьи будут готовы, одна из птиц достанется им. Количество воробьёв на каждый вечер было строго оговорено, и как только всё распродалось, Цю Чэн переставал принимать кукурузные лепёшки, так что ситуации, когда покупатели оставались ни с чем после напрасного ожидания, не возникало.

— Хозяин, почем у тебя картошка? — Вскоре один из постоянных покупателей печёных воробьёв заметил на прилавке Цю Чэна новый товар.

— Фунт кукурузных лепёшек за фунт картофеля, — ответил Цю Чэн.

Услышав о столь выгодной цене, несколько человек, ожидавших воробьёв, тут же загорелись. Они окружили прилавок, выбирая клубни и покупая по несколько фунтов каждый: в конце концов, эта вещь хранится долго, а при правильных условиях пролежит полмесяца и больше безо всяких проблем.

Хотя картофель не так хорошо насыщал, как кукурузные лепёшки, его главным достоинством была свежесть. Люди целыми днями жевали кукурузу, и изредка разнообразить своё меню было очень даже неплохо. Картошку продавали и на других лотках этого ночного рынка, однако цены там обычно заламывали высокие, да и происхождение товара было самым разным: одни купцы привозили его с севера, а другие добывали по иным каналам. Некоторым ученым, высокопоставленным врачам, политическим деятелям и представителям высшего командования армии в городе жилось значительно лучше, чем обычным горожанам. Им полагался определенный паек, и помимо основных злаков обычно перепадали и кое-какие овощи. Однако у этих людей, как правило, были семьи, и даже набив собственное брюхо, они не могли не думать о других родственниках, поэтому нередко излишки пайка продавали, пуская эти продукты в свободный оборот.

Цю Чэн не зазывал покупателей и не выкрикивал цены, поэтому у его прилавка всегда толпилось ровно столько людей, сколько нужно: пока одни выбирали и перебирали товар, Цю Чэн неспешно отвечивал кукурузные лепёшки и принимал плату.

Некоторые покупатели упорно требовали в придачу ещё парочку пучков зелёного лука или несколько перчиков чили, и тогда Цю Чэн перекидывался с ними парами слов. Зелёного лука, перца и лука-батуну он приносил с собой на каждый вечер строго определенное количество, и почти всё оно уходило в качестве бесплатного приложения к покупке. Если не сдерживаться, того и гляди выйдет так, что основные товары еще не распроданы, а бесплатные добавки уже закончились.

Почем у тебя картошка? — к их прилавку подошел мужчина среднего возраста на трехколесном велосипеде.

Фунток картошки за фунток кукурузных лепёшек, — отвечая на вопрос, Цю Чэн как раз взвешивал лепёшки.

Только что одна из покупательниц набрала картофеля ровно на фунт и шесть лянов, так что и кукурузных лепёшек ей полагалось отвесить ровно на фунт и шесть лянов. Электронные весы были включены, женщина положила на платформу несколько лепёшек, но, увидев, что веса не хватает, добавила еще одну. Заметив, что вышло чуть больше, она отломила от одной из лепёшек небольшой кусочек.

Тут на пол-ляна больше, ладно, дай мне еще два свежих перца, — глядя на красные цифры на табло электронных весов, потребовала покупательница.

Хорошо, — охотно согласился Цю Чэн, протянул ей два перца и вдобавок добавил пучок лука.

А эта картошка вкусная, если сварить ее вместе с луком? — с улыбкой поинтересовалась женщина.

Вкусная. Когда картошка разварится, можно покрошить туда зеленого лука, присыпать соли, а если еще капнуть пару капель соевого соуса — пальчики оближешь, — поделился опытом Цю Чэн. Сами они с А Чаном почти не притронулись к первому урожаю картофеля, приберегли всё на семена, и теперь от одних воспоминаний во рту начинала слюна выделяться.

А кукурузная мука? Почем кукурузная мука? — снова подал голос мужчина на трехколесном велосипеде.

Кукурузная мука? — услышав это, Цю Чэн поднял голову и посмотрел на собеседника. Остальные у прилавка тоже устремили на мужчину любопытные взгляды: в нынешние времена простой народ обычно расплачивался готовыми кукурузными лепёшками, а муку приберегали и прятали по домам лишь потому, что лепёшки долго не хранятся. Менять что-то на саму муку решались крайне редко.

Фунт кукурузной муки за фунт и шесть лянов картошки, — ответил Цю Чэн.

Фунт и семь лянов, возьму сто фунтов муки, — стоило ему заговорить, как у прилавка мгновенно воцарилась тишина. Сто фунтов кукурузной муки по нынешним временам в Городе Синьнань — это поистине огромная сделка.

У меня сейчас нет столько с собой, давай сначала обменяем десять фунтов, а остальное я завезу тебе через пару дней, договорились? — За два дня домашняя картошка как следует подрастет.

Ладно, тогда отмерь мне семнадцать фунтов, а остальное привезешь по этому адресу, лучше всего с двух до четырех часов пополудни, — произнес мужчина, протягивая Цю Чэню бумажку с записанным адресом, и добавил: — Смотри, отбирай картошку получше, и чтоб вес был честный, без обмана.

Не беспокойтесь, Сяо Цю — человек честный, — тут же вмешался подошедший Старик Фэн.

И ты здесь? — мужчина бросил на Старика Фэна беглый взгляд, но особой радости на его лице не отразилось.

Зарабатываю на кусок хлеба, — усмехнулся Старик Фэн, не став навязываться к нему с любезностями.

Цю Чэн отобрал для него семнадцать фунтов отборной крупной и гладкой картошки и сложил в мешок, сшитый из старой одежды. Мужчина наблюдал за ним со стороны и, казалось, остался доволен. Он развернулся, снял с багажника своего трицикла железный ящик, протянул Цю Чэню мешок с мукой, забрал картошку, запер ящик на замок и, усевшись за руль, уехал.

Цю Чэн взвесил принесенный мешок: ровно десять фунтов. Если вычесть вес самого тряпичного мешка, пожалуй, чуточку не хватало, но в нынешних реалиях на такие мелочи уже никто не обращал внимания.

Это еще кто такой? — поинтересовались у Старика Фэна покупатели, заметив, что тот, судя по всему, знаком с уехавшим.

Ай Вэньхай знаете такого? Это его шурин, — Старик Фэн тоже протиснулся к прилавку Цю Чэня, чтобы выбрать пару картофелин для взвешивания, и казалось, ничуть не задевился недавней холодностью собеседника.

Ай Вэньхай? Это имя было у всех на слуху: новое лицо среди богатой элиты Города Синьнань, прежде занимавшийся строительными материалами.

Когда разразился вирус Икс, власти Города Синьнань согнали всех горожан в изолированные временные базы и ввели военное положение. И хотя базы назывались временными, некоторая инфраструктура все же требовалась, особенно защитные стены — их нужно было возвести высокими и на совесть.

Строительство требовало не только рабочих рук, но и материалов, и именно тогда Ай Вэньхай сколотил свое состояние. Позже он взял в аренду участок земли неподалеку от временной базы и нанял работников для ее обработки. За минувшие пять лет его капиталы разрослись настолько, что теперь он по праву считался богатейшим человеком Города Синьнань, по крайней мере, в плане известности с ним тягаться не мог никто.

Неужели шурина Ай Вэньхуа приходится покупать картошку на стороне? — люди слышали, что у тех собственные теплицы, и добрая доля городского пайка поступала как раз оттуда.

Наверное, не хватает. Его шурина, Гэ Хунчан, заведует охраной, под его началом толпа дармоедов с ненасытными желудками. К тому же картофель в их теплицах, глядишь, еще и не созрел вовсе, подумаешь — зашел прикупить немного, — Старик Фэн с легким вздохом покачал головой и обратился к Цю Чэню: — До чего же этот тип раньше был простофилей, а теперь гляди-ка, научился хвост распускать. Будь в его трицикле и впрямь сто фунтов муки, я бы собственную голову отрубил и отдал тебе вместо табуретки. Тьфу, да он же просто раскусил, что у тебя нет такого количества картошки.

Так мне отвезти ему заказ через пару дней или нет? — Цю Чэн, плохо знавший нравы местных, опасался потратить время впустую.

Отвози, почему не отвезти? В худшем случае посчитаешь, что прогулялся зазря, все равно эту картошку можно было бы распродать и здесь, на ночном рынке, — слова Старика Фэна прозвучали так, будто он ничего и не сказал.

Хотя в этот вечер они принесли на продажу на один мешок картошки больше обычного, свернуться им удалось даже раньше, чем обычно. Причиной тому стало то, что слухи о дешевой и свежей картошке дошли до многих, а заприметив попутно неплохие помидоры, покупатели заодно захватывали и пару томатов, отчего торговля пошла на редкость резво.

В нынешнем Городе Синьнань картофель ценился куда выше помидоров, поскольку насыщал гораздо лучше. Те горожане, чье материальное положение позволяло тратить лишнее, охотно меняли надоевшие кукурузные лепёшки на картошку, чтобы сварить ее дома. А если удавалось раздобыть еще и моркови с пекинской капустой да забабахать густое похлебное ассорти — получалось поистине объедение.

Закончив торговлю, Цю Чэн отправился к Ван Чэнляну за жерновами. Помимо трех условленных заранее кукурузных лепёшек, он прихватил для мастера еще две печеные картофелины.

Из пяти или шести клубней, запеченных им в печи, помимо этих двух, почти всё остальное умял А Чан, а одну картофелину выпросил наглым образом привязавшийся Старик Фэн — утащил ее домой и тайком скормил собственному сыну, так что племянникам Цю Чэня даже запаха не досталось.

Жернова, изготовленные вторым братом Ван Чэнляна, в точности соответствовали похвалам мастера: выполнены безупречно, со знанием дела, в комплекте с трехногой деревянной подставкой. Дерево для подставки использовалось крепкое, добротное, конструкция вышла на славу прочной, и Цю Чэн остался чрезвычайно доволен увиденным.

Ты говорил, что собираешься молотить сухие бобы и кукурузное зерно, а для этого легкий жернов не годится. Мой брат сделал тебе на совесть, вон какой массивный! Смотрите

аккуратней по дороге домой, как бы вместе с седоком не проломить колеса тележки, — Ван Чэнлянь помог погрузить нижнюю и верхнюю части жернова прямо в кузов трицикла.

Каменный инструмент состоял из двух половин: нижняя была шире, с высеченными по краю желобками для сбора муки, а верхняя — меньше по диаметру, но толще, сбоку в нее была вмонтирована деревянная рукоять.

В самом центре каждой из половин находилось по отверстию, в которые вставлялся короткий деревянный штырь. При сборке достаточно было совместить центральное отверстие верхнего жернова со штырем, закрепленным в центре нижнего, чтобы удерживать жернов на месте при вращении и не давать ему смещаться. При этом сами крепежные отверстия скрывались внутри конструкции, и разобрать их было невозможно, не раздвинув каменные диски.

На верхней части жернова виднелось еще одно отверстие поменьше — оно служило приемником для зерна. Медленно засыпая зерно в эту воронку и вращая жернов, можно было вскоре заметить, как измельченные крупинки просыпаются сквозь зазор между дисками прямо в круговые желобки.

Опасаясь, что выросший в городе Цю Чэн не сумеет обращаться с каменной мельницей, Ван Чэнлянь подробно разъяснил ему весь процесс работы.

Я понял, — почесал в затылке Цю Чэн. Строго говоря, он и вправду смутно представлял себе, как управляются с жерновами, но в подобных делах главное — набить руку, тем более что сейчас его занимали куда более насущные вопросы. — Скажи, у вас в деревне много леса? Я бы хотел купить немного древесины, самой простой, сгодятся и обрезки.

Обрезки? Да этого добра навалом, сколько тебе нужно? — Хотя семья Ван Чэнляня жила в деревне, их селение примыкало прямо к городской черте. Земля здесь стоила недорого, транспортное сообщение было удобным, поэтому бог весть с каких пор тут расплодилось множество пунктов приема утильсырья, где попутно скупали и продавали древесные отходы.

Ну, примерно полтонны, — прикинув в уме, назвал цифру Цю Чэн.

Экая невидаль, добро бросовое. Если хочешь забрать сам, я попрошу брата проводить тебя — нагружай сколько влезет, без проблем, — Владельцы того пункта приема, целая семья, погибли во время бедствия, оставив после себя горы деревянных обрезков. Теперь многие деревенские таскали оттуда дрова для печей, однако чужакам с улицы никто бы не позволил хозяйничать там просто так.

Поразмыслив пару секунд, Ван Чэнлянь добавил: — А если у тебя нет на это времени, я могу отправить кого-нибудь из парней доставить их прямо к тебе. Скинут всё на месте, а уж за труд отблаговоришь по мере возможности.